

УДК 630.6:908 (571.6)

Ю.И. МАНЬКО

История сдачи лесов на побережье Татарского пролива в долгосрочное концессионное пользование

Рассмотрена история сдачи 11 лесных участков общей площадью 3 390 тыс. десятин по побережью Татарского пролива в долгосрочное пользование русским лесопромышленникам – подставным лицам японских фирм (1921–1922 гг.). Обращено внимание на недостаточный контроль за соблюдением условий договоров японскими лесопромышленниками, а также на массовое хищение древесины в условиях оккупации. Намерение организовать на концессионных участках полную переработку древесины не увенчалось успехом вследствие смены общественно-политического строя.

Ключевые слова: Дальний Восток, Татарский пролив, лесные концессии, лесопользование, долгосрочная аренда.

The history of putting forests on the coast of the Tatar Strait in the long-term concession use. Yu.I. MANKO (Institute of Biology and Soil Science, FEB RAS, Vladivostok).

The history of putting 12 forest plots with a total area of 3,390,000 dessiatinas (= 4,915,500 ha = 12,146,200 acres) along the coast of the Tatar Strait in the long-term use to the Russian timber merchants – dummy persons of Japanese companies (1921–1922). Attention is drawn to the lack of control over the conditions of contracts by the Japanese timber merchants as well as the massive theft of wood under occupation. The intention to organize complete wood processing on the concession areas was not successful due to the change of socio-political system.

Key words: the Far East, the Tatar Strait, forest concessions, forest management, long-term lease.

Главной задачей, стоявшей перед правительственными кругами России после присоединения Приамурья, было заселение этого пустынного края, где, как писал первоисследователь лесов А.Ф. Будищев, местного (аборигенного) населения едва ли насчитывалось более 10 тыс. обоего пола [2]. Присоединенная территория была покрыта лесами, в которых произрастали разнообразные хвойные и лиственные породы. Благодаря выгодному географическому положению территории это открывало возможность заготовки леса как для местных нужд, так и на экспорт. Однако неизученность лесов сдерживала организацию их использования из-за опасения нанести ущерб последующим поколениям [10].

К началу XX в. лесная промышленность на Дальнем Востоке была представлена в основном мелкими полукустарными предприятиями, обслуживающими местный рынок, хотя проблема организации крупных предприятий по заготовке леса, в том числе для экспортных поставок, уже стояла на повестке дня. В первую очередь за это выступали крупные промышленники, поддерживаемые комитетом съезда лесопромышленников Приамурья, организованным в 1907 г. Развитие лесной промышленности сдерживали действующие в России лесные законы, по которым не разрешалось сдавать лесные дачи для организации лесозаготовок на срок более 4 лет, а также запрещение генерал-губернатора использовать на лесозаготовках в казенных лесах иностранных подданных. Лесопромышленники

МАНЬКО Юрий Иванович – доктор биологических наук, главный научный сотрудник (Биолого-почвенный институт ДВО РАН, Владивосток). E-mail: manko@ibss.dvo.ru

в докладных записках, направляемых в управление государственных имуществ Приамурского генерал-губернаторства, доказывали с экономическими выкладками выгодность, в том числе и для казны, сдачи в долгосрочную аренду лесных участков на срок до 24 лет [11].

Имевшиеся отдельные договоры на длительную аренду лесов на Дальнем Востоке (к началу войны с Германией их насчитывалось три) были санкционированы правительством или царским наместником. Однако в годы войны эти предприятия прекратили свою деятельность [11, 13]. Осваивать почти не заселенное Приохотье на пространстве от устья р. Уда до бассейна р. Улкан путем сдачи лесов в концессионное пользование предлагал кандидат агрономии О.В. Маркграф (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 835), по стечению обстоятельств вынужденный организовывать изучение лесов этой территории и разрабатывать меры по их использованию [12].

Сдача лесов в долгосрочную аренду на Дальнем Востоке была разрешена на правительственном уровне только в 1913 г. по решению Совета министров. Согласно «Особому журналу Совета министров» от 3 апреля, утвержденному царем 21 июля, главноуправляющий землеустройством и земледелием уполномочивался решать по согласованию с приамурским генерал-губернатором сдачу участков казенного леса в пределах Приамурского края на срок до 24 лет. Однако начавшаяся война с Германией, усложнившая выход России на зарубежные рынки, а затем затянувшаяся смена общественно-политического строя не позволили лесопромышленникам оперативно воспользоваться этим разрешением.

Разруха, тяжелое финансово-экономическое положение, вызванные революцией и Гражданской войной [7], заставляли Омское и местные правительства (в том числе возникшую в 1920 г. Дальневосточную Республику – ДВР) искать источники доходов. В январе 1919 г. технический совет при Верховном уполномоченном на Дальнем Востоке обратился к управляющему государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей с предложением поиска путей для выхода из создавшегося положения, предоставив простор для частной инициативы (русской и иностранной) в деле эксплуатации природных ресурсов края, в том числе слабоосвоенных и неосвоенных лесных массивов. Идея организации лесных концессий как способа получения доходов за счет вовлечения обширных лесных пространств региона в эксплуатацию, не покидавшая местное руководство и вышестоящие органы, стала приоритетной. Об этом несколько ранее (в 1917 г.) местный управляющий государственных имуществ докладывал Временному правительству, данный вопрос затрагивался на бурных лесных съездах в первые революционные годы.

При министерстве земледелия Омского правительства был создан лесной отдел (департамент), сохранявший преемственность дел Лесного департамента России. Директор лесного отдела Н. Грибанов распорядился руководствоваться в лесных делах положениями Лесного устава и другими ранее действовавшими документами. Управлениям государственных имуществ было циркулярно предписано развивать в регионах промышленность, особенно лесную, выделить лесные участки до 1 млн десятин каждый на срок не более 36 лет для предоставления частным предпринимателям (в том числе иностранцам) с целью развития экспорта. В марте были утверждены правила сдачи лесных участков для долгосрочной эксплуатации. В начале июня 1919 г. Лесной департамент омского правительства для обследования лесных пространств, предназначенных для сдачи в долгосрочную аренду в Приморской области, признал необходимым назначить 2 лесных ревизоров, 10 старших таксаторов 1-го разряда и 15 съемщиков. Были разработаны формы журнала маршрутной лесной съемки, инвентарного описания, ведомости пробных площадей и инструкция маршрутного обследования лесных пространств (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 694). Но это не было осуществлено по причине изменившейся военной и политической обстановки в Сибири и на Дальнем Востоке.

В начале декабря 1918 г. управляющий государственными имуществами Временного правительства областной земской управы П.И. Делле докладывал по прямому проводу в Министерство земледелия о возможности сдачи в долгосрочную лесозаготовку

ряда лесных дач и о желательности проведения переговоров по этому вопросу с русскими предпринимателями, которым следует отдавать предпочтение, учитывая географическое положение территории. В конце декабря он с согласия лесных ревизоров дал объявление в местной газете «Вестник Приморской области» (№ 7) о возможности лесозаготовок на основе долгосрочной аренды на 15 участках, расположенных вдоль морского побережья. По этому объявлению поступило 29 заявок (в том числе 2 от иностранцев), которые были рассмотрены на первой сессии лесного совета управления 28 января–4 февраля 1919 г. В числе заявок было предложение инженеров Булаева и Тараника о развитии подсочки леса в низовьях Амура, чего до этого в области не делалось, но даже при благоприятном отношении совета к этой идее предложение не было поддержано (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 785).

Большинство заявок, которые поступали и позже, были оценены отрицательно. Перед этим был заслушан доклад ученого лесовода Ф.Н. Чиликина, состоящего в помощниках при верховном уполномоченном, о постановлении Всероссийского (Омского) правительства относительно правил отпуска леса из казенных дач Амурской, Приморской и Сахалинской областей по долгосрочным договорам. Постановлением разрешалось верховному уполномоченному на Дальнем Востоке назначать сроки (продолжительность) лесозаготовок до 25 лет в лесных дачах, занимающих обширные площади и находящихся в неблагоприятных условиях сбыта древесины, если это будет сопряжено с устройством дорогостоящих сооружений. Отпуск леса было предписано осуществлять по правилам, согласованным с министром земледелия и колонизации. При обсуждении этого документа на лесном совете управления решили докладывать верховному управляющему обо всех возбужденных ходатайствах на долгосрочное лесопользование и представлять их правительству до утверждения проекта правил и рассмотрения в лесном совете.

На 2-й сессии лесного совета (25 апреля–1 мая 1918 г.) по вопросу о сдаче лесов в долгосрочную аренду постановили: 1) просить управление земледелия и государственных имуществ камерально отграничить лесную площадь, которая может быть сдана в долгосрочную эксплуатацию, с указанием состава, запаса, размеров возможного отпуска строевого, поделочного, целлюлозного и крепежного леса, 2) выработать проект условий сдачи в соответствии с поданными заявками, 3) выяснить цену на древесину и фабрикатy на зарубежных рынках. На 3-й сессии лесного совета (июль 1919 г.), где присутствовал особо уполномоченный министерства земледелия Ф.Т. Петров, один из вопросов был посвящен сдаче лесных участков в долгосрочную эксплуатацию. Вновь, как и на 2-й сессии, обсуждали конкретные участки для сдачи; решили созвать в скором времени комитет по сдаче лесов в долгосрочную эксплуатацию, а рассмотрение районов, предназначенных для сдачи, отнести к компетенции лесного управления.

Лесным советом при управлении государственных имуществ была выработана «Инструкция для производства работ по выделению лесного фонда хозяйственного значения для населения Приморской области» (в ней было 36 параграфов), а также рассмотрена «Инструкция о порядке производства долгосрочных отпусков леса из казенных дач в районах неэксплуатационных или с ограниченным сбытом предприятиям по механической и химической переработке древесины». В этом документе, подготовленном Омским правительством, довольно подробно рассмотрены все процедурные аспекты, связанные с долгосрочными отпусками леса из казенных лесов, – от порядка определения районов и лесных дач, в которых возможен отпуск леса по долгосрочным договорам, до выбора соискателя и порядка заключения договора.

В развитие последнего документа лесным советом было создано положение о долгосрочных отпусках леса, согласно которому лесные площади сдаются без торгов на срок не более 36 лет. Ходатайства о долгосрочной эксплуатации леса рассматривала комиссия, в составе которой были ревизор лесоустройства Б.А. Ивашкевич, заведующий лесозаготовительным отделом Б.В. Трувелер и другие специалисты (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 83).

18 мая 1920 г. состоялось заседание комиссии под председательством управляющего промышленностью Временного правительства Приморья для детальной разработки вопроса об организации лесных операций силами и средствами государства и концессионеров. Речь шла об использовании лесной промышленности «в валютных целях», о возможности экспорта леса хотя бы «в сыром виде». В обсуждении вопроса приняли участие управляющий отделом земледелия и госимущества Лебедев, председатель комитета съезда лесопромышленников Торич и другие лица. Были рассмотрены причины, тормозящие развитие разработки лесов, в качестве основной назвали малый срок аренды лесных территорий. Комиссия пришла к выводу о необходимости создания межведомственного органа для разработки законоположений по лесоэксплуатации, в том числе и на основе долгосрочной аренды. К июлю были выработаны «Правила о долгосрочных отпусках леса из казенных дач для обеспечения лесом предприятий для химической и механической обработки древесины», подготовленные лесной секцией российского технического общества во Владивостоке на основе правил, утвержденных омским правительством 14 марта 1919 г. Предусматривался отпуск леса без торгов на срок до 36 лет; при наличии претендентов на сдаваемый участок предпочтение отдавалось тому, кто произвел затраты, связанные с предварительным лесоэкономическим обследованием участка; предпринимателю разрешалось строительство складов, поселков, дорог, спрямление рек, предоставлялись особые участки казенной земли для возведения заводов; и т.д.

Был подготовлен проект основных положений договора на долговременную эксплуатацию казенных лесов в Приамурском крае для химической и механической переработки древесины, который в ноябре поступил на утверждение в совет управляющих ведомствами и в декабре был утвержден президиумом совета.

В течение 1920 г. шло интенсивное обсуждение документов, связанных со сдачей лесных площадей в долгосрочную аренду. В частности, управление ведомством торговли и промышленности предложило сократить число инстанций прохождения документов с четырех до двух; в обсуждении правил приняли участие также совет Приморского лесного общества, ревизор лесоустройства Ивашкевич, лесной ревизор Хомяков и другие лица. Был подготовлен проект «Закона о сдаче в долгосрочную эксплуатацию казенных лесов на Дальнем Востоке», предусматривающий введение в действующий Лесной устав издания 1905 г. особой статьи 225 (с 6 подпунктами) о порядке разрешения долгосрочного отпуска леса из лесных дач на срок до 36 лет. Для утверждения этого документа требовалось решение Народного собрания, работа которого не была организована на регулярной основе [7]. В связи с этим управляющий делами земледелия и государственных имуществ А.Д. Лебедев ходатайствовал перед советом управляющих о разрешении производства сдачи лесных площадей в долгосрочную аренду на основе закона 1913 г., не дожидаясь рассмотрения этого вопроса в Народном собрании.

2 декабря совет управляющих ведомствами Временного правительства Дальнего Востока постановил образовать комиссию для рассмотрения основных положений договора о сдаче в долгосрочную эксплуатацию лесных площадей на основании закона 1913 г. Инструкция о порядке сдачи лесных дач должна быть разработана управлением делами земледелия и государственных имуществ по согласованию с управлением делами финансов. Прозвучало пожелание, чтобы предприятия организовывались с участием русского капитала, а если русского капитала нет (как и было на самом деле), то, как считал Лебедев, для казны безразлично, сколько «ходатай» получит за посредничество от иностранных предпринимателей – гроши или сотни тысяч рублей (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 644).

5 декабря состоялось особое совещание с участием управляющего делами совета управляющих отделами, а также представителей ведомств земледелия, финансов и контроля местного правительства, на котором обсуждали вопросы о порядке сдачи лесных участков, залогах, таксах, порядке утверждения договоров, участия казны в прибылях, доле участия русских рабочих (до 50 %), вывозных пошлинах на сырье, фабрикаты

и полуфабрикаты (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 786). Для проведения лесоустройства выделяемых в долгосрочное пользование дач признали необходимым организовать курсы с целью подготовки специалистов техников. Был определен состав преподавателей (куда вошли Ивашкевич и Корнеенко), утверждены программа и смета расходов. Курсы должны были начать работу с 1 апреля 1921 г., прохождение практики намечалось с 15 мая в районе станции Кангауз, где хозяйничали японцы. Всего отобрали 97 курсантов.

12 декабря во Владивостоке была сформирована комиссия по сдаче лесных площадей в долгосрочную эксплуатацию. Возглавил ее управляющий делами земледелия и государственных имуществ А.Д. Лебедев (он же руководитель лесного отдела, позже преобразованного в лесное управление), в состав комиссии вошли лесной ревизор Ивашкевич, представитель формирующейся организации «Эксплолес» Василевский, заведующий лесоэксплуатационным отделом Трувелер, представитель земельного совета, заведующий переселенческим отделом, представители управления финансов и государственного контроля, областной земской управы (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 944).

Для комиссии выработали инструкцию, в которой определили порядок рассмотрения заявок и руководящие основания для принятия решения (наиболее полная переработка древесины, максимальное участие русских, кратчайший срок заготовки назначенной к отпуску древесины, кратчайший срок оборудования заводов и соответствующей инфраструктуры, наиболее высокая оплата древесины).

В начале 1921 г. лесное управление Приморско-Сахалинской области стало самостоятельным. В январе 1921 г. состоялось заседание местной комиссии, которая рассмотрела условия продажи леса по долгосрочным договорам и наметила к сдаче 15 концессионных районов по побережью Татарского пролива на общей площади 4 440 тыс. десятин. Об этом сообщили в Правительство ДВР, которое в свою очередь 22 января приняло положение о лесных концессиях, одобренное съездом при Министерстве земледелия, посчитавшим сдачу лесов в концессионное пользование одной из главных задач государственной лесной политики. В соответствии с майской (1920 г.) договоренностью с главой Временного правительства Приморской областной земской управы Медведевым о координации действий обоих правительств отдельная часть этого положения касалась запланированных концессионных участков в Приморской области на территории от бассейна р. Тумнин до Самарги, а также в бассейне Амгу. Лесная секция правительства ДВР посчитала, что намеченные к долгосрочной сдаче в Приморской области участки отвечают принятым требованиям, и высказала советы, как осуществить процедуру их сдачи. Предварительно заключенные договоры на долгосрочную аренду полагалось представить на утверждение министру земледелия ДВР.

Совет управляющих отделами Приморского областного управления 22 февраля 1921 г. постановил в срочном порядке осуществить сдачу лесных площадей в долгосрочную эксплуатацию на основании законов от 21 июня 1910 г. и 21 июля 1913 г. (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 786).

В марте 1921 г. правительство Дальневосточной республики утвердило «Основные положения о лесных концессиях» с целью привлечения частного (в том числе иностранного) капитала. Точная копия этого положения, содержащего 21 пункт, телеграфом была переслана руководству Приморской области и начальнику лесного отдела Лебедеву. В долгосрочную аренду предусматривалась сдача лесных площадей в местах незаселенных или малозаселенных на срок до 24 лет. Концессии могли сдаваться на конкурсной основе как российским подданным, так и иностранцам, которые обязывались в первые 5 лет оборудовать предприятия по механической и химической обработке всей заготавливаемой древесины; после этого экспорт леса допускался лишь в обработанном виде (кроме лиственницы). Утверждение договоров на сдачу лесов в долгосрочную аренду осуществляется правительством ДВР. В первые 5 лет на предприятии к работе допускалось не более 75 % иностранцев, далее – не более 50 %. При организации предпринимателем акционерных обществ государству предоставлялось право преимущественного приобретения до 25 %

акций по умеренной цене (РГИА ДВ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 15). Позже в это положение вносились коррективы, в частности срок аренды был продлен до 36 лет.

По вопросу о том, кому – представителям русского или иностранного капитала – следует отдавать предпочтение при решении вопроса о сдаче в долгосрочное пользование лесов, руководитель лесного ведомства в правительстве ДВР Гордон телеграфировал Лебедеву о предпочтительности «непосредственного привлечения иностранного капитала в целях нежелательного посредничества русских лиц и обществ, опирающихся на иностранный капитал». Вместе с тем Министерство земледелия ДВР считало право сдачи лесов иностранцам как желательное, но не обязательное. Опасения по поводу возможности территориальных или каких-либо других претензий со стороны иностранцев, по мнению руководства ДВР, были безосновательны.

По вопросу утверждения договоров на сдачу лесов в долгосрочную аренду, внесения платежей по договорам и по срокам проведения торгов возникли разногласия – совет управляющих отделами Приморского областного управления настаивал на проведении этого мероприятия весной текущего, 1921-го, года (правительство ДВР предлагало перенести торги на более поздний срок), а также на утверждении договоров во Владивостоке, где и следовало провести платежи. 5 марта состоялся продолжительный телефонный разговор между Владивостоком и Читой, в котором представители Приморья отстаивали свою точку зрения. Лебедев считал, что сдачу лесов откладывать нельзя, ибо по побережью производятся масштабные незаконные лесозаготовки местным населением, у которого японские промышленники скупают древесину. Относительно квалификации действий в связи со сдачей лесов в долгосрочное пользование также наметились разные подходы: совет управляющих и земельный отдел местного правительства рассматривали эти действия как обычное, но долгосрочное пользование лесом, а правительство ДВР – как сдачу лесов в концессионное пользование.

11 марта министр земледелия ДВР по телеграфу прислал основные положения по долгосрочным сдачам лесных участков и сообщил о намерении заключить с японскими фирмами предварительный договор на два участка (по Ботчи и Тумнину) с последующим утверждением его обоими правительствами.

16 марта комиссия в лице представителей областного начальства (председателя областного управления, представителя иностранного отдела, помощника заведующего земельным отделом) и заведующего лесным отделом Лебедева информировала министра земледелия ДВР о том, что: 1) комиссия по сдаче лесных участков в долгосрочную эксплуатацию 11 марта дала объявление о созыве соискателей на 12 апреля, 2) договор на сдачу участков в долгосрочное пользование в основном согласован с положениями правительства ДВР, 3) сдача лесов предусмотрена исключительно русским подданным; на район, запрашиваемый японской фирмой у правительства ДВР, имеются русские претенденты. Предложено все заявления на долгосрочное лесопользование сосредоточить во Владивостоке, где и осуществлять окончательное утверждение договоров в присутствии уполномоченного, назначенного министром земледелия ДВР (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 786). 19 марта начальник лесного управления А.Д. Лебедев отправил в Читу, в министерство иностранных дел письмо, в котором сообщал, что все распоряжения правительства ДВР подлежат рассмотрению советом управляющих отделами Приморского областного управления, поэтому прямые указания правительства ДВР не могут быть выполнены без разрешения местной вышестоящей инстанции.

Выписка из протокола 41-го заседания совета управляющих отделами Приморского областного управления от 5 апреля 1921 г. подтверждает истинность сведений, сообщенных Лебедевым. В этом документе поручалось председателю совета управляющих войти в центральное правительство ДВР с предложением о принятии им следующих положений: 1) соискание на сдачу в долгосрочную аренду лесных площадей состоится 12 апреля на условиях, разработанных местной комиссией, 2) иностранные подданные к соисканию допущены не будут, 3) договоры будут утверждаться советом управляющих отделами

Приморского областного управления, 4) изменения условий сдачи лесных участков в долгосрочную эксплуатацию могут последовать в случае принятия Приморским Народным собранием собственного закона. Но это решение не будет распространяться на ранее заключенные договоры (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 644).

Местная комиссия по сдаче лесов в долговременное пользование 12 апреля 1921 г. рассмотрела 7 заявочных пакетов, из которых выгодными для казны признала два – П.А. Орлова (участок Хадя, площадь 280 тыс. десятин) и Е.А. Власова (бухта Ванина, площадь 80 тыс. десятин). Лесопромышленник Орлов предложил «наддачу» к таксовой стоимости в 10 % и планировал в первые 5 лет пустить целлюлозный завод с годовой производительностью 10 тыс. т, выдавать продукции лесопиления 1 млн куб. футов, иметь в первое шестилетие 25 % русских рабочих. Лесопромышленник Власов (наддача 45 %), обещал в первые 2 года построить лесопильный и бондарный заводы, иметь 80 % русских рабочих. В обоих концессиях были назначены сплошные рубки. Остальные участки (1–8 и 11–15 по списку, опубликованному ранее в газете) решено представить к новому соискательству (торгам).

По докладу Лебедева об итогах конкурса, отправленному в ДВР, поступила телеграмма из Читы от министра Бессонова с сообщением о том, что произведенная сдача двух участков в долговременное пользование незаконна, так как право утверждения этой сделки принадлежит центральной власти. В другой телеграмме из Читы сообщалось о том, что в ближайшие дни правительство ДВР намерено пересмотреть положение о концессиях, в связи с чем местному руководству рекомендовано воздержаться от публикации объявлений о новых соискательствах (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 644). Но этот протест со стороны правительства ДВР не повлиял на дальнейшую работу по выделению участков для долговременной лесоэксплуатации на побережье Татарского пролива и сдачу их соискателям.

Несколько позже уже Временным правительством приамурского государства, возглавляемым Меркуловым, на заседании 18 июня 1921 г. были предоставлены концессионные участки лесопромышленнику Г.Ю. Венде в бассейнах Коппи (наддача 52 %) и Нельмы (наддача 22 %) на общей площади 740 тыс. десятин, а на заседании 27 июня – еще трем претендентам: П.И. Делле – 4 участка (наддача 25%) общей площадью 740 тыс. десятин (Мули, Восточный Тумнин, Акур, Сюркум), Г.И. Пикару (Ботчи, 220 тыс. десятин, наддача 30 %) и Н.Н. Сергееву (участок по Самарге, 650 тыс. десятин, наддача 5 %) (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 644, 947). В виде дополнительных пунктов к заключенным договорам предусматривалось учреждение милицейского надзора (исключительно из русских) за счет предпринимателей, участие иностранцев в первые 6 лет работы предприятий не должно превышать 50 %, а в последующие годы – 25 %. При превышении этой нормы предусматривалась доплата в казну налога в размере разницы в зарплате иностранца и русского. На всех участках предусматривалась выборочная рубка всех пород. Все предприниматели планировали полную переработку заготовленной древесины путем постройки лесопильных заводов или предприятий по выработке бумажной массы.

Управление земледелия и государственных имуществ в первое время осуществляло контроль за выполнением заключенных договоров. Уже в ноябре внимание лесопромышленников Орлова, Власова и других было обращено на то, что процент русских рабочих на их предприятиях не соответствует указанному в договорах. В декабре был сделан запрос предпринимателям Сергееву и Пикару о том, кто позволил появление на их предприятиях вооруженных японских рабочих, которые в отдельных случаях производили обыски местного населения. Несколько раньше, в августе, председателю союза японских лесопромышленников во Владивостоке сообщалось о том, что в бассейне р. Нельма один из русских промышленников производит самовольные рубки, а незаконно заготовленный лес продает японским экспортерам, что квалифицируется как участие последних в краже древесины. Позже условия для контроля за лесозаготовками на участках длительного лесопользования усложнились, поэтому управление земледелия и государственных имуществ было

вынуждено посылать лесничих и лесных ревизоров в концессионные районы, а управляющий – ходатайствовать об открытии новых лесничеств.

Таким образом, в 1921 г. на побережье Татарского пролива на площади 2 710 тыс. десятин было сдано 10 участков в лесопользование на 24 года русским лесопромышленникам, хотя на право долгосрочных лесозаготовок на побережье претендовали три японских фирмы. Ежегодная плата за аренду 10 участков составляла свыше 900 тыс. золотых рублей – со стороны П.И. Делле 247 500, Е.А. Власова – 34075, П.А. Орлова – 88 000, Г.И. Пикара – 78 910, Н.Н. Сергеева – 191 000 и Г.Ю. Венде – 263 550 руб. (РГИАДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 947). Временное Приамурское правительство 22 сентября 1921 г. постановило закрыть вольное поселение на побережье от р. Тетюхе до мыса Лазарева в связи со сдачей лесных участков в долгосрочное пользование. Обсуждался вопрос об авиационном обследовании района долгосрочных аренд лесных участков. Управление госимуществ просило ревизора лесоустройства Ивашкевича поручить старшим таксаторам разъяснить населению, что отпуск леса на арендованных участках предусмотрен на 24 года, но управление оставляет за собой право отпуска леса местному населению на этих участках.

На конец декабря 1921 г. к работе приступили на концессионных участках Власова, Орлова, Пикара и Сергеева. У Делле работы еще не начинались. Деятельность предприятия Венде с 1 декабря была прекращена из-за неуплаты денежных средств в срок. Позже это предприятие, уладив денежные дела, работало; например, имеется акт от ноября 1923 г. на наложение секвестра на заготовленные около 50 тыс. бревен в бухте Нельма предприятием Венде.

В апреле 1922 г., как писал анонимный автор [8], предприниматель Волковинский получил на побережье концессионный участок в 130 тыс. десятин. В плохо сохранившемся документе (машинописная копия), содержащем данные о сданных в пользование участках по побережью, имелись сведения о том, что Волковинский получил участок «мыс Мурашки», а предприниматель Ставровский – участок Коппи площадью 550 тыс. десятин (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 947). В итоге с учетом этих сведений на побережье было сдано в долгосрочное лесопользование 11 участков.

Позже было запланировано продолжение сдачи лесных участков в долгосрочную эксплуатацию (и об этом было объявлено) в низовьях Амура (дачи Малаховская на площади 290 тыс. десятин, Мачтовая – 167 тыс. и Хунгари – 1125 тыс. десятин) и по побережью (Де-Кастри, 320 тыс. десятин). В 1921 г. Лебедев в телефонном разговоре с Читой выяснял, может ли правительство ДВР в срочном порядке заключить договоры на районы Де-Кастри, Горин, Чля, ибо существовала угроза, что этим могут заняться японские оккупационные войска.

История лесных концессий на Дальнем Востоке интересовала общественность и затрагивалась во многих публикациях [8, 10, 15, 16 и др.]. Более полно осветил эту проблему Д.А. Шулятьев [17], обратив внимание на то, что право на получение арендных участков для длительного пользования имели только русские граждане, объединенные в акционерные общества или товарищества. Ссылаясь на японские источники информации, Шулятьев привел факты ввоза в это время в Японию древесины из Приморья (например, в 1922 г. 736,3 тыс. м³), это позволило ему согласиться с существовавшим мнением о том, что русские лесопромышленники являлись подставными агентами японских фирм.

Об участии японского капитала в заготовках леса на побережье Татарского пролива писал анонимный автор в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока [10], по его сведениям, в 1921–1922 гг. было сдано 11 участков. Для местных деловых кругов это не было секретом. Например, 30 ноября 1921 г. в частном письме одному из местных деятелей, от которого зависела отсрочка платежей за долгосрочную аренду со стороны японцев, Лебедев просил не предоставлять отсрочки и писал, что «... всем, конечно, известно, что финансовая сторона дела зависит от иностранного японского капитала». Из материалов на право получения концессии, представленных Венде, было совершенно ясно участие в деле представителей японских фирм, а необходимые суммы для оплаты заявки должны были

перечисляться через японский банк в японской валюте. Это было известно и конкурентам. В местное управление земледелия и государственных имуществ поступило письмо о том, что японская фирма, интересы которой представлял предприниматель Г.Ю. Венде, ранее зарекомендовала себя плохо, осуществляя незаконные рубки на участке Сюркум, поэтому ее, как считали авторы письма Боровой и Масленников, не стоит допускать к заготовкам леса в Нельме (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 943).

Заявка Г.И. Пикара на долгосрочную заготовку леса финансово поддерживалась японской торгово-промышленной компанией Мицуй и К°, с которой были оговорены условия лесозаготовок и вывоза древесины. В зиму 1921/22 г., как докладывал в управление помощник лесничего И.Е. Григоришин, рубка леса этой компанией велась по обоим берегам р. Ботчи в 12–20 верстах от дер. Гроссевици. К 1 марту 1922 г. было заготовлено 93 014 бревен (3 872 кедра, 78 219 елей, 3 111 пихт, 7 812 лиственниц). Среди рабочих (406 чел.) преобладали корейцы (264) и китайцы (125), трудились 2 японца и 15 русских (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 951).

Удивляет участие в числе претендентов на получение лесных дач в долгосрочную аренду бывшего управляющего государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей П.И. Делле, который в 1917–1918 гг. считал сдачу концессий иностранцам нежелательной, как и, по его мнению, ситуацию, при которой иностранцы могли выторговать концессионные участки через подставных лиц. Что его побудило стать подставным лицом, остается только предполагать; к этому времени Делле уже не был управляющим, а числился чиновником по особым поручениям при управляющем. При первых рассмотрениях концессионных заявок П.И. Делле выступал как доверенное лицо лесопромышленника П.А. Орлова.

Об особенностях лесозаготовок на участках, сданных в концессию, подробно и объективно написал анонимный автор [8] в серьезном экономическом журнале «Русское Приморье» (так журнал оценивали местные специалисты). По сведениям этого автора, в результате тяжелого финансового положения, в котором оказались дальневосточные лесопромышленники в связи с политическими событиями, приведшими к девальвации «сибирских» и «буферных» денег, им пришлось обращаться к иностранному (японскому) капиталу. Сами русские арендаторы руководящего участия в делах концессий не принимали, администрация, технический персонал и большая часть рабочих (85 %) были представлены японцами, которые вели себя как хозяева, не обращая внимания на заключенные договора. Принятые на себя обязательства (внесение денег на лесоустройство, сооружение зданий для лесного надзора, ведение отчетности на русском языке, доля участия русских рабочих в заготовках леса и т.д.) японская сторона под всякими предлогами старалась не исполнять. На участках, сданных в долгосрочную аренду, не строились лесопилки и другие деревоперерабатывающие предприятия, возводимые здания для рабочих и администрации носили временный характер, что свидетельствовало о стремлении минимизировать расходы, не производя капитальных затрат. Древесину заготавливали в ближайших к сплаву районах в размерах, не превышающих минимального отпуска (6–7 куб. футов с десятины), экспортировали в бревнах. При приемке заготовленной древесины японцы старались занижить размеры бревен, получить скидки на фаут и другие выгоды; на лесозаготовках были высокими цены на продукты; отмечены случаи задержки выплаты денег за заготовленный лес, что вызывало нарекания и даже угрозы со стороны рабочих. Помимо лесозаготовок в концессиях японцы скупали лес у населения в районах Самарги, Тернея, Ольги и южнее, постоянно по непонятным причинам задерживая оплату, что вызывало недоверие к ним со стороны населения, вынужденного искать средства для существования в условиях разрухи.

Кроме законных лесозаготовок на концессионных участках японцы занимались хищением леса. Весной они самовольно высаживали на побережье японских рабочих, которые в ближайших к морю районах рубили и сплавливали лес, грузили его на пароходы и отправляли в Японию. С летними лесозаготовками японцев были связаны большие лесные

пожары. Японцы не вносили полагающуюся плату за купленный у населения лес лесному ведомству и таможене. По официальным данным в 1920 и 1921 гг. было самовольно вырублено и вывезено около 3 млн куб. футов леса на сумму 400 тыс. золотых рублей без уплаты причитающихся сумм лесному ведомству и таможенных сборов. По отношению к местному населению японцы зарекомендовали себя «с дурной стороны» [8]*.

Объективность данных анонимного автора о ситуации на концессионных участках подтверждает рапорт лесного объездчика на имя начальника управления государственных имуществ, поданный в начале лета 1922 г. (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 947). В нем речь шла о рубках в концессии Пикара (бассейн р. Ботчи), проводимых фирмой Мицуй и К°. Вырубался исключительно строевой лес (кедр, ель, пихта, лиственница). При ежегодном отпуске древесины в размере 1 400 тыс. куб. футов к моменту постройки запланированных фабрики и завода, как считал автор рапорта, леса уже не будет. К постройке казенных домов еще не приступали, не были отведены участки под завод, фабрику и другие сооружения. Все это, заключал объездчик, говорит о том, что японскими промышленниками поставлена задача взять как можно больше леса в короткий срок. Рабочие на участке не русские, относятся к лесной страже недружелюбно, а иногда и враждебно.

Этот рапорт объездчика свидетельствовал о том, что заключенные договора не соблюдались по важным позициям – возведение в первую очередь деревоперерабатывающих предприятий и создание соответствующей инфраструктуры; привлечение на лесозаготовку русских рабочих. Гражданская война, проявляющаяся в разных формах на прибрежной территории, и в целом беспокойная политическая обстановка парализовали деятельность местной лесной охраны, что способствовало бесконтрольному использованию лесов, чем, несомненно, пользовались японские промышленники. Это подтверждалось и рапортами лесного ревизора А.А. Юркова и лесничего И.А. Пелетева, командированных в концессионные районы для осуществления контроля за лесозаготовками (об этом ниже).

На территории, примыкающей к железнодорожной линии Хабаровск–Владивосток, заготовка осины с 1920 г. практически оказалась в руках японцев, которые скупали заготовленную древесину у населения в районах станций Мучная, Спасск, Свягино, Усури через своих агентов по низкой цене, зарабатывая на этом не менее 60–100 % годовых.

В условиях интервенции учет количества вывезенного в Японию леса, по свидетельству Н.С. Новоселова с соавторами [14], не производился. В 1920–1922 гг. заготовку леса для вывоза в Японию из районов северного и южного побережий с участков, сданных в концессионное пользование частным русским лесопромышленникам, проводили под охраной японских и интервенционных войск. Отpravку леса осуществляли на японских судах, поэтому точного учета вывезенного его количества не было [3]. Но какой-то учет в годы интервенции все-таки существовал. Например, по данным Владивостокского таможенного инспектора, за навигационный период 1920 г. из Императорской Гавани, бухт Ванина, Белимбо, Терней и Джигит было вывезено 76 948 бревен (РГИАДВ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 12). О заготовке и вывозе леса из внеконцессионной зоны побережья (Тетюхе, Джигит, Терней и др.) писал А.И. Иванов [6]; согласно его данным, в лето и осень 1922 г. было вывезено 2 367 000 куб. футов (около 67 тыс. м³), а из прибрежных концессионных площадей за 1921–1922 г. – 429 278 м³ леса. Всего в годы интервенции из районов южного и северного побережий в Японию было вывезено 414 290 м³ кедровых, еловых и лиственничных бревен (113 140 м³ в 1921 г., 301 150 м³ в 1922 г.) [3]. А по данным А. Лебедева [9], которые он назвал официальными, в 1921 г. было вывезено 5 150 192 куб. футов леса, в 1922 г. – 12 071 758 куб. футов (всего 487 381 м³). В. Анисимов [1] считал, что за

* В неопубликованной заметке о сдаче лесных участков в долгосрочную эксплуатацию на побережье писал в августе 1921 г. некий Мельников, обративший внимание на то, что представители японских фирм в 1920 и 1921 гг. (до заключения договоров на долгосрочную эксплуатацию лесных участков) вели заготовки леса по годичным билетам, выданным русским промышленникам. На предприятиях использовались китайские и корейские рабочие, но на некоторых работали японцы, которые презрительно и недружественно относились к местному населению (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 947).

два года господства в Приморье японские промышленники ежегодно вывозили не менее 20 млн куб. футов леса (566 тыс. м³). Приводимые данные об объемах лесозаготовок, хоть и различающиеся по абсолютным показателям, свидетельствуют о ведении интенсивных рубок леса на побережье как в концессионных лесах, так и за их пределами.

Следует отметить, что в указанное время на побережье в зоне долгосрочной аренды лесных площадей были распространены хищнические лесозаготовки. Например, Г.И. Пикар писал в ноябре 1921 г. в управление государственных имуществ о том, что на заторгованном им участке в бассейне р. Ботчи и в пятиверстной прибрежной полосе производятся хищнические рубки леса. Управляющий Лебедев в связи с этим поручил лесничему Ингерману составить соответствующие протоколы о лесонарушениях. Подобные рубки велись и в других местах. В связи с этим из управления государственных имуществ поступило распоряжение лесничим подвергать секвестру лес, не оплаченный попёнными деньгами. Для помощи лесничим и укрепления надзора на русских морских водах было решено направить сюда специальное судно с задачей задержания всех грузовых пароходов с лесом, вывоз которого не узаконен разрешительными документами. Лесничим предписывалось предупредить о сложившейся ситуации лесозаготовителей (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 1062). Этому вопросу было посвящено 120-е заседание управляющих ведомств Временного Приамурского правительства в июне 1922 г., которое в целях борьбы с хищническими заготовками леса на побережье постановило в случае попытки вывоза морским путем самовольно заготовленного леса помимо его «отбирания» конфисковывать транспортные средства (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 1057).

В апреле 1922 г. на заседании совета управляющих ведомствами Временного Приамурского правительства было признано необходимым отменить пошлины с вывозимых за границу лесных материалов, заготовленных по долгосрочным договорам, заключенным управлением государственных имуществ с контрагентами казны. С заготовленных же по краткосрочным договорам материалов взysкивать вывозные пошлины в размере 2,5 % от их стоимости. Также было признано необходимым обложить пошлиной вывозимые за границу осиновыe чурки (выписки из протоколов № 94 и № 95 – РГИА ДВ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 130).

Посланный управлением земледелия и государственных имуществ лесной ревизор А.А. Юрков для контроля за лесозаготовками на побережье в зоне концессионных рубок докладывал в мае 1922 г., что высадиться на сушу ему не удалось по причине препятствия со стороны партизан. Все побережье, кроме Ольги, находилось под контролем ДВР. По собранным им данным, на побережье бесконтрольно хозяйничают японцы. На этой территории заготовлено порядка 1 млн бревен. Ему сообщили, что наблюдались случаи, когда японцы не допускали лесную стражу к освидетельствованию заготовленного леса, а один из объездчиков отправил в Японию 5 пароходов с лесом, не оплаченным положенными сборами. Юрков также сообщал, что в Нельму прибыл пароход с 400 японцами для заготовки леса в 5-верстной береговой полосе, которая оставлялась для местных лесозаготовок, а размер пользования в ней ограничивался годичным приростом. Вывод Юркова: с целью контроля за лесозаготовками по побережью надо освободить эту территорию от партизан и послать в каждый пункт лесную стражу (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 1132).

Как свидетельствовали рапорты лесничего И.А. Пелетева, который осуществлял контроль за лесозаготовками в Ольгинском лесничестве в 1922 г. и принимал участие в походе на крейсере «Лейтенант Дыдымов» вдоль побережья, агенты лесного хозяйства не могли в должной мере управлять казенными лесами на этой территории вследствие ряда причин – отсутствия влияния Временного Приамурского правительства, засилья партизан и вмешательства в лесные дела Ольгинской земской управы. В результате этого имели место многочисленные случаи незаконных лесозаготовок и вывоза древесины в Японию. В рапорте от 30 июня Пелетев сообщал, что на устье р. Светлая был незаконно построен крабовый завод и несколько домов поселенцев. В бухте Коондо на японском пароходе обнаружено 212 кедровых бревен, погруженных в Белембе, откуда на 2 пароходах уже

вывезено 1726 бревен и приготовлено к погрузке 527 лиственниц; пароход задержан, лес на берегу подвержен секвестру. В бухте Белембе приготовлено к сплаву 12–15 тыс. бревен кедра. В Кеме около 20 тыс. бревен заготовлено без билета, в ближайшее время сюда ожидается сплав такого же количества леса. В протоколе совещания, проведенного с участием Пелетева 16 августа в бухте Терней на борту «Ильи Муромца», констатируется, что от бухты Джигит до устья Самарги у некоторых заготовщиков леса не имелось лесорубочных билетов, а у тех, кто имел билеты, было заготовлено древесины больше, чем оплачено.

К наведению порядка в заготовках леса местные крестьяне, как докладывал Пелетев, относятся негативно: озлобляются и недоброжелательно настроены к Временному Приамурскому правительству. Японцы, скупающие лес, протестуют и имеют претензии как к казне, так и к крестьянам. Выход из сложившегося положения Пелетев видел в необходимости командирования лесной стражи на военных судах для наведения порядка на местах (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 1134).

В связи с концессионным освоением лесов побережья начальник управления земледелия и государственных имуществ А.Д. Лебедев неоднократно (в марте, апреле и июне 1922 г.) обращался в управление ведомством торговли и промышленности временного правительства Приамурского государства с предложением организовать 3 новых лесничества и выделить необходимый штат для наведения порядка в лесопользовании. В качестве обоснования создания новых лесничеств он ссылаясь на то, что в районе ведутся интенсивные заготовки леса (в зиму 1921/22 г. заготовлено до 1,5 млн бревен, оцениваемых примерно в 2 млн руб.), а охраняют территорию, вытянутую вдоль берега от Ольги до Императорской Гавани, всего 2 лесничих, 7 помощников и 23 объездчика (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 1132). Но в июне 1922 г. Временное Приамурское правительство прекратило свое существование, новые лесничества не были организованы. Вскоре пало и правительство Дитерикса, сменившее Временное Приамурское правительство. Наступило иное время в развитии Дальнего Востока. Новая народная власть ликвидировала все ранее заключенные договора на долгосрочное лесопользование, а желающим продолжать лесозаготовки предложила заключить новые.

Таким образом, в 1921–1922 гг. состоялось событие государственной важности, к которому готовились в предыдущие 2–3 года: на побережье Татарского пролива в долгосрочную лесоэксплуатацию было сдано 11 лесных участков на площади 3 390 тыс. десятин сроком на 24 года. Концессионерами были русские лесопромышленники, за которыми стоял японский капитал, т.е. они были подставными лицами японских фирм.

Возникает вопрос: с чем связана сдача лесов в долгосрочную аренду подставным лицам? С опасением, что могут последовать территориальные претензии с японской стороны в случае постройки концессионерами деревоперерабатывающих предприятий и создания необходимой инфраструктуры на сданных в долгосрочное пользование участках? Но правительство ДВР отвергало возможность развития событий по такому сценарию, поскольку сдача лесов в концессионное пользование японским промышленникам должна была осуществляться на межправительственном уровне с соблюдением необходимых международных норм. Сдача лесов в долгосрочную эксплуатацию российским подданным, естественно, значительно упрощала и ускоряла все процедуры, прежде всего связанные с получением в местную казну предусмотренной договорами оплаты за лесопользование. А.Д. Лебедев и другие местные деятели по поводу исключения иностранных (японских) промышленников из участия в торгах на сдачу лесных участков в долгосрочную эксплуатацию ссылались в первую очередь на закон от 21 июня 1910 г. «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве». Согласно этому закону запрещалась сдача иностранцам казенных земель под поселения и в аренду, но разрешалось их участие в торговых операциях, в том числе и связанных с лесом. В этом была какая-то логика, ибо на территории Приморской области с 1 марта 1919 г. управление земледелия и государственных имуществ руководствовалось

в основном законами дореволюционного периода (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 947). В целом же это был продуманный шаг местных правительств к тому, чтобы исключить возможность передачи лесных концессионных дел по побережью Татарского пролива в ведение правительства Дальневосточной Республики. Ускорению всех процедур со сдачей лесных участков в долгосрочное пользование, которую осуществляли местные правительства, конечно, способствовала обстановка на военных фронтах, в конечном счете ведущая к поражению «белого» движения и смене власти.

Все-таки остается предположение, что еще одной из стимулирующих причин использования подставных лиц в лесных операциях могла также быть возможность получения коммерческой выгоды за посредничество; размер вознаграждения посредникам, как писал управляющий государственными имуществами А.Д. Лебедев, казну не волновал. К последнему заключению приводит и тот факт, что правительство ДВР не только не исключало возможности заключения прямых договоров долгосрочной аренды лесных участков с японскими промышленниками, но и обоснованно считало прямые договоры желательными, чтобы избежать посредников. В марте 1921 г. это правительство утвердило «Основные положения о лесных концессиях» с целью привлечения частного (в том числе иностранного) капитала. Были перечислены возможные концессионные участки в Приморской области, Приамурье и Забайкалье [4, 5]. Причем это направление в развитии лесной промышленности считалось основным, оно было поддержано съездом лесных специалистов в 1922 г., признавшим принятие лесоконцессионной политики в качестве единственного выхода для привлечения крупного промышленного капитала к эксплуатации лесных богатств и возрождению лесного хозяйства.

Японские фирмы в условиях политической нестабильности, наличия оккупационных войск на Дальнем Востоке и ведущихся военных действий, естественно, пользовались тем, что возможности для осуществления эффективного контроля за их работами по заготовке леса со стороны Приамурского правительства были ограниченными. Японцы, несомненно, окупали затраченный капитал за счет свободного вывоза заготовленной древесины, не приступая к строительству деревоперерабатывающих предприятий и созданию необходимой инфраструктуры. Намерение местных правительств (в том числе и правительства ДВР) организовать современные предприятия по переработке древесины на концессионных участках и затем поставлять за рубеж полуфабрикаты и фабрикаты, отказавшись от вывоза необработанной древесины (это было бы «прорывным» решением в использовании лесных ресурсов края!), не увенчалось успехом. Виной этому была прежде всего сложная политическая обстановка (Гражданская война, оккупация и вскоре наступившая смена общественно-политического строя). Незаконные хищнические рубки леса, которые в широких масштабах производили японцы на побережье, менее всего имели отношение к концессионным делам, а являлись прямым следствием оккупационного режима. С лесозаготовками японских фирм были связаны большие лесные пожары по побережью Татарского пролива, в том числе в нижней части бассейна р. Самарга, чему в первую очередь способствовала сильная захламленность территории порубочными остатками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов В. Задачи хозяйственного закрепления русского Дальнего Востока // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1923. № 1. С. 30–42.
2. Будищев А.Ф. Общий взгляд на главнейшие местные условия Приамурского края как в отношении лесов, так и поселений русских // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. 2-е изд. Т. 5. Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. Хабаровск, 1898. С. 3–49.
3. Вирясов Б.А. Леса Дальневосточного края. М.; Л.: Гослестехиздат, 1933. 246 с.
4. Гордон О. Лесное хозяйство ДВР и его перспективы // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1922. № 1. С. 81–93.
5. Гордон О. Экономический обзор заграничных рынков сбыта лесов ДВР в связи с лесоконцессионной политикой // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1922. № 2. С. 30–44.

6. Иванов А.Н. Лесная торговля Приморья // Приморье, его природа и хозяйство: сб. статей, составленный науч.-просветит. секцией Примгубвыстбюро. Владивосток, 1923. Ч. 2. С. 47–68.
7. История Дальнего Востока России. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука. 2003. 631 с.
8. К. [Кларк?]. Деятельность японских лесопромышленников в Приморской области // Русское Приморье. 1922. № 10. С. 1–5. № 11. С. 1–3.
9. Лебедев А.Д. Лесное хозяйство и лесопромышленность Приморья // Сов. Приморье. 1926. № 1/2. С. 19–37.
10. Лесопромышленность // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 4 (8). С. 112–122.
11. Манько Ю.И. Лесное дело на российском Дальнем Востоке. 1859–1922. Владивосток: Дальнаука. 2011. 383 с.
12. Манько Ю.И. Отгон Маркграф – исследователь лесов Прихотья // Вестн. ДВО РАН. 2012. № 6. С. 120–126.
13. Манько Ю.И. Хроника лесного дела на российском Дальнем Востоке в период перехода от капитализма к социализму // Вестн. ДВО РАН. 2014. № 3. С. 95–110.
14. Новоселов Н.С., Кожевников Ф.А., Моисеенко С.Н. Леса и лесная промышленность ДВК // Вестн. ДВ филиала АН СССР. 1938. № 30 (3). С. 33–54.
15. Трувелер Б.В. Лесное дело на русском Дальнем Востоке // Докл. Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 г. Владивосток: Изд. Приморской окружной торгово-промышленной палаты, 1922. С. 141–201.
16. Флеров В.С. Первые мероприятия советской власти по охране природных богатств Дальнего Востока от иностранных хищников (1922–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 4. С. 174–198.
17. Шулятьев Д.А. Лесозаготовительная промышленность Дальнего Востока. Историко-экономический очерк. Хабаровск: Кн. изд-во, 1974. 336 с.